

ПРЕДТЕЧА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

Н.В. Шевцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Статья посвящена жизни и деятельности выдающегося политического деятеля XVII столетия В.В. Голицына. Он вошёл в историю нашей страны как вдумчивый реформатор и блестящий дипломат. Преобразования Голицына создали базу для последующих кардинальных петровских реформ. Будучи великолепным аналитиком и стратегом, Голицын выигрывал сражения не столько в ходе кровопролитных войн, сколько в ходе схваток на дипломатической арене. Получив при правлении царевны Софьи по сути неограниченные полномочия, Голицын сумел направить свои усилия в первую очередь на осуществление социально-экономических преобразований, на рост авторитета Российского государства. Но, как часто случается с выдающимися реформаторами, Голицын пал жертвой внутривластной борьбы: он сделал неверную ставку на Софью, а не на Петра и его окружение. В результате он был отстранён от власти, лишён имущества и отправлен в ссылку на север. Автор статьи проследил предположительный маршрут ссылки скитаний Голицына, уделив особое внимание пребыванию опального князя в Пинежском волоке – нынешнем посёлке Пинеге, расположенном примерно в двухстах километрах от Архангельска на берегу реки Пинеги. В статье также подробно описывается расположенный в пятнадцати километрах от села Красногорский монастырь, который регулярно посещал Голицын и где, так и не прощённого Петром, его похоронили в 1714 г. Надгробная плита с места захоронения В.В. Голицына ныне хранится в краеведческом музее Пинеги.

Ключевые слова: князь Василий Голицын, Пётр I, царевна Софья, внешняя политика России XVII в., Посольский приказ, Вечный мир с Польшей 1686 г., Крымские походы, петровские реформы, упразднение местничества.

Князя Василия Васильевича Голицына можно рассматривать как политическо-го деятеля, опередившего своё время. Его начинания во многом предопределили грандиозные реформы Петра I, превратившего Россию в великую державу, способную успешно конкурировать с ведущими западными странами. Преобразования В.В. Голицына не привели к серьёзным социальным потрясениям и жестоким кровопролитным войнам, не изменили Россию в корне. Стилль Голицына-реформатора весьма отличался от петровских методов управления страной. Реформы князя были более мягкими, постепенными, чем петровские. Голицын проявил себя великолепным полководцем-победителем на полях дипломатических сражений, сумев в результате сложных длительных переговоров защитить интересы России и тем самым расширить её территории, поднять международный авторитет российского государства. Ускоренному развитию России способствовали и внутренние реформы, инициатором которых выступил князь В.В. Голицын.

К сожалению, многие из окружения Петра I в своих мемуарах и трудах стремились представить дело так, будто первый российский император практически на голом месте, с нуля начал преобразования в неподготовленной к ним России. Поэтому они всячески принижали роль князя Голицына, к тому же принадлежавшего к враждебной Петру партии царевны Софьи. Более того, имя князя-реформатора в первой половине XVIII столетия практически предали забвению.

«Не везло» Голицыну и в последующие столетия. В этой связи сошлюсь на письмо, полученное автором статьи от директора Российского государственного архива древних актов М.Р. Рыженкова, который сообщает: «Как это ни странно, я не обнаружил в библиографии сколько-нибудь полной научной биографии этого выдающегося деятеля, фактически главы правительства в 1682–1689 гг. Писали о нём в общем контексте и С.М. Соловьёв, и В.О. Ключевский, и многие другие историки. Немало статей в энциклопедических справочниках, но до специального исследования дело не доходило». И действительно, за последнее десятилетие не вышло ни одного современного исследования на эту тему. К числу новейших работ, имеющих косвенное отношение к исследуемой проблеме, можно отнести книги И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» и П.Г. Дейниченко «Начало правления Романовых. От Петра I до Елизаветы». Но эти издания скорее относятся к популярному жанру.

В классических трудах историков С. Соловьёва, В. Ключевского и Н. Костомарова роль Голицына в преобразованиях в России получила достаточно справедливую оценку. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает объективный анализ, данный В. Ключевским. Историк писал, что, «связав свою судьбу с царевной

Софьей, он (Голицын – Н.Ш.) пал вместе с нею и не принимал участия в преобразовательной деятельности Петра, хотя был ближайшим его предшественником и мог бы быть хорошим его сотрудником, если не лучшим» [1, с. 334]. Знаменитый историк был склонен видеть в Голицыне не человека, жившего на рубеже XVII–XVIII вв., а просветителя, достойного мыслить, творить и созидать в более просвещённые времена: «в Голицыне заметны черты либерального и несколько мечтательного екатерининского вельможи» [1, с. 335].

История оправдала Голицына. Ныне он занимает своё, пусть и скромное, но почётное место среди политических деятелей России. Его деятельность, осуществлённые и нереализованные реформы вызывают всё возрастающий интерес у исследователей нашего прошлого, того удивительного периода конца XVII столетия, когда создавались предпосылки для осуществления великих петровских реформ. Он мог ещё многое сделать, но оказался бессилье перед роком судьбы.

Блестящая карьера Голицына завершилась, когда ему было уже 56 лет. Возраст солидный и по сегодняшним понятиям. А в те времена его можно было считать пожилым человеком, даже старцем. Последующие 25 лет он прожил в ссылке, уйдя в мир иной 80-летнем возрасте в 1714 г.

Пётр не казнил Голицына, а сослал в далекие Архангельские земли. Зная, что князь привык к комфорту и роскоши, царь разрешил оставить ему имущества не более чем на две тысячи рублей. Впрочем, в отношении к Голицыну проявилась и известная противоречивость натуры Петра. После смерти князя царь позволил его детям и внукам вернуться из ссылки.

Существует предположение, что во время поездки Петра в Архангельск сопровождавший его Борис Голицын виделся с опальным братом. Но где и при каких обстоятельствах состоялась эта встреча, точно неизвестно. Ясно, что она могла произойти только с царского разрешения. Есть версия, что сын Бориса Голицына навещал дядю. Но куда он ездил, также остаётся загадкой, как и многое из того, что связано с пребыванием опального князя на севере.

Князь Василий Васильевич Голицын считался одним из самых образованных людей своего времени. Он родился в 1643 г., при Михаиле Фёдоровиче. Происходил из знатного рода, берущего начало от литовского князя Гедимина. Голицыны издавна служили московским царям. Всеобщим почётом и уважением пользовался отец В. Голицына – Василий Андреевич Голицын. Правда, родителя он лишился рано, в девятилетнем возрасте. Мать, Татьяна Ивановна Стрешнева, также относилась к знатному роду князей Ромодановских. Поэтому ничего удивительного, что благодаря стараниям отца и высокопоставленных родственников Василий Голицын уже в 15 лет оказался среди приближённых царя Алексея Михайловича.

■ История

Однако своей успешной придворной карьерой Голицын обязан не только знатному происхождению и родственными связям. Молодой князь выделялся среди сверстников острым умом и незаурядными способностями. Он получил прекрасное образование, знал несколько языков, «бегло говорил по-латыни и по-польски» [1, с. 331]. Поэтому со многими иностранными послами Голицын общался без переводчика.

Карьера князя началась с должности царского стольника. Он прислуживал за столом государя, был непременным участником дворцовых церемоний. В 1675 г. Василий Голицын впервые приобщился к военному делу, находясь в составе одного из полков на Украине, где готовились к обороне от вторгшихся войск турецкого султана.

Талант Голицына как дипломата и политического деятеля раскрылся уже после смерти царя Алексея Михайловича. В 1676 г. на престол взойшёл Фёдор Алексеевич и сразу возвёл Голицына в боярский чин. В нарушение традиционного порядка произведения в придворные чины, Голицын «перепрыгнул» через должность окольничего. Такой почести удостаивался мало кто из придворных.

Голицын приобрёл особое влияние при царском дворе примерно в начале 1680-х гг., когда царь Фёдор Алексеевич женился на Агафье Грушецкой, польке по происхождению. Царь умел читать и разговаривать по-польски, что облегчало ему общение с супругой. Тогда же, пишет Н. Костомаров, «приблизился к царю молодой князь Василий Васильевич Голицын, впоследствии игравший важную роль в московском государстве» [3, с. 465]. Возможно, сближению царя и Голицына могло способствовать знание князем польского языка.

При новом царе Голицын возглавил Владимирский судный и Пушкарский приказ. В 1676 г. он вновь отправился в Малороссию, где принял командование одной из армий, защищавших южные границы русского государства. В дальнейшем, в 1677–1678 гг., князь принял участие в Чигиринском походе против турок. Через два года Голицын командовал русскими войсками на Украине.

Но что удивительно: князь одерживал победы не столько с помощью оружия, сколько благодаря своему таланту дипломата. Ему удалось вместо расширения военных действий добиться заключения Бахчисарайского мирного договора, позволившего приостановить на время кровопролитные столкновения с крымскими татарами.

Голицын стоял у истоков реорганизации дворянского ополчения в регулярную армию. Возглавленная им в 1681 г. комиссия наметила реализацию военной реформы. Ещё более ярко князь Голицын проявил себя после смерти царя Фёдора Алексеевича, во времена регентства царевны Софьи. Голицын познакомился с Софьей, когда ему было уже за сорок лет. Царевне Софье исполнилось 24 года. Судя по всему, их первая встреча состоялась ещё во времена правления

Фёдора Алексеевича, в период обострения его болезни. Царь встречался с придворными и родственниками у своей постели. Тогда-то, по всей вероятности, Василий и Софья впервые увидели друг друга.

Образованная царевна проявила настоящую женскую слабость, встретив Голицына. В князя нельзя было не влюбиться. Богат, образован, знатен, а главное, хорош собой – как можно было устоять перед ним. К тому же он со вкусом одевался. Понятно, что Софья влюбилась в него без памяти.

Князь ответил взаимностью. В любовных и семейных делах его можно отнести к типичным представителям своего времени и своего сословия. Первую жену он удалил в монастырь, потому что она оказалась бесплодна. Так поступали и до, и после представители знати и царствующие особы. Вспомним хотя бы Василия III, отца Ивана Грозного, который из-за бесплодия отправил в Покровский монастырь Суздаля свою первую жену, красавицу Соломонию Сабурову. Но вернёмся к князю Голицыну. Его вторая жена, Евдокия Стрешнева, одарила супруга не только богатым приданым, но и четырьмя детьми. Род Стрешневых считался одним из самых знатных на Руси. Одна из его представительниц была супругой Михаила Фёдоровича, первого царя из династии Романовых. Так что Голицын находился в отдалённом свойстве с царским семейством. Князь любил свою жену, но, как истинный царедворец, ответил на благосклонность Софьи, понимая, что нельзя пренебрегать вниманием царевны, входившей во власть.

Софья старалась не отпускать от себя фаворита, что называется, «держала на привязи» не только потому, что нуждалась в советчике в государственных делах, но и просто как влюблённая женщина, которая не могла долго обходиться без дорогого ей человека. «Софья до слепой страсти была предана этому человеку» [3, с. 504].

Её можно по-человечески пожалеть, ведь красотой она не отличалась. Невысокая, полная, с короткой шеей, одутловатым лицом, она вряд ли могла привлечь внимание мужчин. Совсем нелестный словесный портрет Софьи составил В. Ключевский: «Эта тучная и некрасивая полудевица с большой неуклюжей головой, с грубым лицом, широкой и короткой талией, в 25 лет казавшаяся 40-летней, властолюбиво пожертвовала совестью, а темпераменту стыдом» [1, с. 335].

Но Голицын покорился ей, потому что у неё была власть, которая предопределила любовную связь как с князем Василием, так и с другими фаворитами.

К середине 80-х гг. XVII столетия Голицын сосредоточил в своих руках всю государственную власть, став фактически неофициальным правителем России. Наряду с другими важными должностями, он возглавлял Посольский приказ. Активно велись переговоры со шведскими и датскими дипломатами. В 1684 г. был продлён

с учётом интересов России Кардисский мирный договор со Швецией и заключён договор с Данией о посольском церемониале. В 1689 г. Россия заключила Нерчинский договор с Китаем.

Главным достижением дипломатии Голицына многие историки считают заключение в 1686 г. Вечного мира с Речью Посполитой. Добиваясь его, Василий Васильевич сумел искусно воспользоваться военными неудачами польского короля Яна Собеского и непрекращавшимся вооружённым конфликтом Речи Посполитой с Турцией и её вассалами. Трудные переговоры велись семь недель. После их завершения Киев и ряд украинских территорий с преимущественно православным населением переходили к российскому государству. Как писал С. Соловьёв, главная обязанность Голицына заключалась в том, чтобы «блуждающие интересы России в сношениях с чужими державами – обязанность трудная при тогдашних отношениях, но Голицын умел выполнить её с честью и пользой для государства» [2, с. 367]. Голицын, пожалуй, один из первых русских политиков и дипломатов понимал необходимость сочетания борьбы за интересы России как на её восточных, так и западных границах. Заключение Вечного мира с Польшей и включение в состав российского государства Киева можно рассматривать как один из важнейших успехов в истории русской дипломатии. Важно иметь в виду, что необходимость присоединения Киева обосновывалась русской дипломатией стремлением избавить украинцев от насильственной католизации.

Однако за столь важную дипломатическую победу, какой явилось заключение Вечного мира с Речью Посполитой, Россия обязалась вступить в антитурецкую лигу, куда входили Австрия, Венеция и Польша. Она должна была разорвать мир с Турцией и Крымом и оказать помощь Польше в защите её территории от набегов крымских татар, тем самым обезопасив тылы своих союзников.

Впрочем, Россия тоже была заинтересована в обеспечении безопасности своих южных границ от набегов крымских татар. В 1687 г. Василий Голицын во главе с войском отправился в первый поход на Крым. Но он не привёл к победе. Стотысячная армия, так и не встретив врага, возвратилась обратно, лишившись многих воинов, погибших из-за отсутствия свежего провианта и воды. Голицын считал поход успешным, поскольку татары не решились вступить в схватку. Тем не менее, армия возвратилась без триумфа, а Голицын под давлением Софьи стал готовиться к новому походу на Крым. Наверное, в глубине души он понимал, что лучше умеет вести дипломатическую борьбу, а не командовать войсками на ратном поле. Ведь командирами должны быть люди по призванию, а не из-за их знатного происхождения. Именно такой мыслью руководствовался он, когда ещё при Фёдоре добивался упразднения местничества, возглавив комиссию выборных дворян.

Местничество позволяло занимать главные гражданские и одновременно военные должности тем князьям и боярам, чьё происхождение считалось более древним и знатным. Способные люди были лишены возможности занимать важные государственные должности только из-за того, что не считались достаточно родовитыми.

Земский собор 1682 г. при активном участии Голицына отменил местничество, что нанесло сильнейший удар по феодальной системе. Все роды становились равными в отношении государственной службы, в подтверждение чего подлежали сожжению многие из хранившихся в приказах и в боярских семьях книги, в которых велись записи истории рода, рассказывалось о заслугах наиболее ярких его представителей. В этих, как их называли, разрядных книгах велись также записи правительственных распоряжений о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу. Разрядные книги использовались знатью для подтверждения знатности, родовитости, высокого положения предков тех или иных боярских родов. Правда, уничтожение разрядных книг привело к гибели ценнейших исторических источников. Об этом с сожалением писал в 1820 г. в своём первом номере журнал «Отечественные записки».

Упразднение местничества позволило активизировать создание регулярных вооружённых сил. Занимаясь реформами, Голицын сам приобщался к невиданному доселе на Руси образу жизни. Современники и зарубежные послы с восторгом описывали великолепный дом, в котором жил Голицын. Жилые помещения были украшены дорогими зеркалами, причудливыми паникадилами и подсвечниками, обставлены прекрасной мебелью. На стенах в роскошных рамах висели портреты русских и иноземных монархов, географические карты. На многочисленных гостей князя огромное впечатление производили книги в дорогих переплётах. Изданные на разных языках, они были посвящены самым широким областям человеческих знаний, в том числе различным религиям. Голицын отличался веротерпимостью. При нём, например, в Москве впервые появились иезуиты.

Второй Крымский поход князя начался в феврале 1689 г. Русская армия состояла из 112 тыс. человек и 300 пушек. При подходе к Крыму произошли столкновения с конными отрядами хана Селим-Гирея, но нападение отбили с помощью артиллерии. Голицын не решился штурмовать Перекоп и войти в Крым, опасаясь нехватки воды в условиях страшной майской жары. Не дожидаясь исхода переговоров с ханом, князь, как и два года назад, повернул войско в сторону Москвы.

Софья постаралась представить неудачу своего фаворита как крупный военный успех. Войско торжественно встречали в столице, но все понимали, что крымская угроза не исчезла. Софья потребовала наград для Голицына и тех его приближённых, участвовавших в походе.

■ История

де. Пётр нехотя согласился, но категорически отказался принять «победителей», желавших выразить благодарность за награды. Неудача похода дискредитировала правление Софьи и ускорила её падение.

Неудачный поход Голицына кратко описал в своём «Дневнике» его участник – Патрик Гордон. Гордон командовал одной из лучших регулярных частей русской армии: Вторым Московским выборным полком солдатского строя, известного по месту квартирования как Бутырский. «В этом походе, – писал Гордон, – ничто так не донимало нас, а также наших лошадей и тягловый скот, как нехватка воды... Не находя никакой выгоды во взятии Перекопа, на другой день мы повернули назад и с полудня до ночи татары пылко нас преследовали» [4, с. 42]. Гордон упоминает, что после возвращения из похода «у нас произошла перемена при дворе. Принцесса, правившая доселе, отстранена от власти, главный фаворит с некоторыми другими сосланы, а имущество их конфисковано, 2-й фаворит (Шакловитый – Н.Ш.) с прочими, низкого звания, казнены за умысел на убийство младшего царя» [4, с. 43].

И всё же Крымские походы нельзя считать полностью неудачными. Благодаря им удалось отвлечь силы крымского хана и не позволить им усилить войска турецкого султана в противостоянии с европейскими армиями. Походы Голицына обезопасили польские территории от нападения крымских татар. И вот что знаменательно. Упрекавший Голицына в неспособности побеждать турецкого султана и его вассалов, Пётр сам в 1711 г. потерпел от них жестокое поражение в ходе Прутского похода. Что касается Азовских походов, то нельзя исключить, что при их организации Пётр учитывал опыт Голицына. «Крымские походы В.В. Голицына (1687–1689) – яркий пример наступательной стратегии России», – отмечается в Очерках истории министерства иностранных дел России. И хотя походы не принесли желаемых результатов, всё же они содействовали укреплению позиций России на южных рубежах и показали возможности прорыва России к берегам Чёрного моря и освобождения Причерноморья от господства Оттоманской Порты и её вассала – крымского хана [5, с. 81].

Путь В. Голицына в ссылку стал для опального боярина одиссеей с печальным концом. Судя по всему, судьбу Василия Васильевича предопределило вырванное под пыткой признание Фёдора Шакловитова, якобы Голицын жалел о том, что царю Наталью Кирилловну не убили во время стрельеческих волнений в 1682 г. Но тот же Голицын не советовал Софье венчаться на царство и «даже писал об этом из похода с ужасом» [2, с. 461].

После того как Софья проиграла в противоборстве с единокровным братом, Голицын дождался своей участи в собственном имении в Медведково. Оттуда он отправился в Троице-Сергиеву лавру, где со своими единомышлен-

никами находился бежавший из Москвы Пётр. Но в монастырь князя не допустили, приказав дожидаться царского решения в курной избе. 9 сентября 1889 г. Голицына навещил уже упоминавшийся Патрик Гордон. По сути дела, переход его с подчинёнными иностранными наёмниками на сторону Петра и предопределил исход противостояния между молодым царём и казавшейся ещё недавно всесильной старшей сестрой.

Наступил час расплаты. Голицына с сыном позвали во дворец, на лестнице которого думный дьяк зачитал царский указ. Оба лишались чести боярства и ссылались с детьми и женами на вечную ссылку в Каргополь. «А поместья твои, – говорилось в царском указе, – вотчины и дворы московские и животы описать не себя, великих государей. А людей твоих, кабальных и крепостных из крепостян и крестьянских детей, – отпустить на волю...» [7, с. 179].

Голицын обвинялся в том, что «о всяких делах» докладывал Софье без ведома Петра и Ивана. Вменялась Голицыну в вину и неудача Крымского похода 1689 г., когда, подойдя к Перекопу, «отступил, каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение, а людям тягость» [2, с. 462]. Голицын избежал более страшной участи – казни – во многом, судя по всему, стараниям своего родственника, двоюродного брата Бориса Алексеевича Голицына, который поддерживал Петра в его противостоянии с Софьей. Б. Голицын не без основания считал, что расправа с князем Василием может скомпрометировать весь род Голицыных.

Страсти вокруг фаворита Софьи кипели долго. Недруги сочли ссылку в Каргополь слишком мягким наказанием и стали добиваться отправки князя в заполярный Пустозёрск. Но Борису Голицыну удалось настоять на компромиссном решении: ссылке хоть и в далекий, но не такой глухой Яренск. Ныне – это село, расположенное недалеко от реки Вычегды на юго-востоке Архангельской области, примерно в 1100 километрах от Москвы.

По дороге в ссылку, в Ярославле, состоялся допрос Голицыных, в ходе которого они категорически отрицали свою причастность к замыслам Ф. Шакловитого. Лишь в Вологде длинная череда невзгод, обрушившихся на Голицыных, на время прервалась полученными от Софьи письмом с утешениями и деньгами.

В Яренске Голицын отправил в Москву челобитное письмо, в котором жаловался на свою судьбу, сообщая, что возле Тотьмы в реке Сухоне оказалась часть обоза «и жен и детишек наших малых насилу из реки вытаскали и лежали в беспомоществе многое время» [2, с. 463].

В Яренске Голицын узнал о новых наветах, из которых следовало, что он ушёл с войском из Крыма потому, что якобы был подкуплен крымским ханом. Его обвиняли в сношениях с колдунами, в дружбе с Шакловитым.

Но самым страшным, как считал Соловьёв, оказался донос монаха Иоасафа, будто в Яренске

Голицын говорил о том, чтобы его берегли, потому что царю Петру осталось жить всего лишь год. Обвинения Иосафа были чудовищной ложью хотя бы потому, что монах никогда не посещал Яренск.

Как бы то ни было, доносы сыграли свою роль, и опальный князь всё же оказался в Пустозёрске, откуда писал: «Милосердые и великие государи! Велите нас бедных и невинных возвратить из такого злого тартара» [2, с. 464].

Жалобы были услышаны. Голицына перевели в Пинежский волок и «здесь забыли» [2, с. 464]. По другим предположениям, Голицына сначала отправили в Кеврольский городок.

Автор данного исследования побывал во всех упомянутых местах, где, возможно, побывал Голицын, покинув Яренск. Пустозёрска ныне не существует. От бывшего поселения, расположенного на берегу Щучьего озера, сохранились лишь фундаменты нескольких домов. Кругом тундра. Однообразие пейзажа нарушают лишь памятники, установленные на месте сожжения протопопа Аввакума. Ближайшее поселение – деревня Устье на другой стороне озера при впадении в него одного из рукавов Печоры. Трудно представить, что когда-то в Пустозёрске кипела жизнь. Отсюда уходили в далекие плавания корабли. Покинув Пустозёрск, в свой последний путь отправились участники пропавшей экспедиции В. Русанова.

По сравнению с Пустозёрском в те времена гораздо более благоустроенным и оживлённым было другое легендарное поселение – Кеврола, или Кеврольский городок, расположенный на берегах реки Пинеги. Переправившись через реку, вскоре можно попасть в районный центр – село Карпогоры. Считается, что старая Кеврола находилась в стороне от нынешней, возникшей после того, как Пинега изменила своё русло. Историки, краеведы, журналисты до сих пор спорят, где находилась древняя Кеврола. Это поселение, тянувшееся почти на километр вдоль Пинеги, было вторым по значению после Холмогор. Здесь находился двор воеводы. О существовании древней Кевролы ныне напоминает деревня того же названия с двумя плохо сохранившимися деревянными постройками, в которых с трудом можно узнать изменившие свой облик церкви. Земли обширного Кеврольского воеводства простирались на сотни километров. К числу крупнейших построек Кевролы относилась таможенная изба, где с торговых людей брали пошлину, преимущественно пушнина и моржовой костью. Разумеется, стояли купеческие лавки, просторные рубленые дома для знатных горожан. Целый район был отведён под дома, где жили стрельцы с семьями. Так что нет ничего удивительного в том, что сосланный Голицын мог оказаться именно в Кевроле. Позже он поселился в расположенном севернее Кевролы селении Кулогоры. Переезд, судя по всему, объяснялся желанием Голицына находиться ближе к уже возвысившемуся Архангельску:

совсем близко от Кулогор находилось селение Пинежский волок, а оттуда и до устья Северной Двины недалеко – всего 200 вёрст.

Издали кажется, что домики Кулогор буквально прицепились к крутому берегу реки. Но, приблизившись к деревне, упираешься в высокие холмы, которые когда-то представляли собой крутые берега реки, часто менявшей своё русло. Здесь, по одной из версий, перед тем как перебраться в Пинежский волок, поселился Голицын. По другому предположению, он избрал местом жительства Посад – некогда большое село, расположившееся на далекой, с безлюдными берегами реке Кулой. Она и в наше время считается труднодоступной. Ещё 30 лет назад вдоль Кулоя протяжённостью в 275 километров, кроме самой деревни того же названия – бывшего Посада существовали только два селения.

Сейчас до деревни можно доехать на машине, а как добраться до остальных двух селений, да и сохранились ли они – этого автору выяснить не удалось. Да и Посад уже нельзя назвать полноценным селением. О былом величии напоминают лишь несколько более-менее сохранившихся изб. Остальные либо совсем исчезли, либо превратились в развалины. Лишённые крыш, с забитыми, либо просто вырванными то ли грабителями, то ли бурями окнами, остатки деревянных домов напоминают застывших у берега реки монстров, ожидающих неминуемой гибели. А ведь когда-то это забытое село процветало, прежде всего, благодаря своим солеварницам. Соль из Посада-Кулоя отправляли в Архангельск и в Москву. О некогда процветавшем соляном промысле ныне напоминают лишь сохранившиеся источники. Солёную воду из них местные жители используют для хозяйственных нужд, ею обливаются в бревенчатых баньках, кое-где ещё сохранившихся в Кулое. Вполне допустимо, что ссыльный князь мог на время обосноваться на берегах Кулоя, прежде чем перебраться на Пинежский Волок – в нынешнюю Пинегу, где ничто уже не напоминает о пребывании Голицына. Ныне – это районный центр Архангельской области. Когда-то в его окрестностях суда, шедшие по Пинеге, перетаскивали волоком к реке Кулой, по которой продолжался дальнейший путь к Белому морю. Позднее, уже в нашу эпоху, прорыли шестикилометровый канал, соединивший две реки. Но к тому времени Пинега начала мелеть, а Кулой, хоть и считался судоходным, всё меньше годился для плавания крупных кораблей. До сих пор весной по реке ходят небольшие катера, в чём автор мог убедиться, увидев в Кулое буксир, вытасканный на берег для ремонта.

Странствия опального вельможи в Пинежском крае растянулись на десятилетия. Все годы ссылки он не терял надежды на прощение, на возвращение в Москву. Конечно, сейчас мало что на русском севере напоминает о пребывании здесь князя Голицына. Дома, в которых он жил, не могли уцелеть до нашего времени, ведь срок им был отмерян максимум в 100–150 лет. Камен-

■ История

ные постройки тогда ещё не появились, их стали возводить гораздо позже, при купце Володине – местном меценате, о котором местные жители до сих пор хранят благодарную память. В сегодняшней Пинеге даже есть кафе «У Володина».

Голицын поселился в Пинеге на несколько столетий раньше местного благодетеля. Тот, чей московский дом поражал богатством и великолепием, крайне нуждался. По-прежнему писал жалостливые письма. Просил денег из царской казны и сумел-таки добиться увеличения суммы на своё содержание.

Доподлинно установлено, что Голицына похоронили у алтаря деревянного храма Красногорского монастыря, находившегося в пятнадцати километрах от Пинежского волока. Храм сгорел, на его месте возвели собор Грузинской Божьей Матери, освящённый в 1735 г., который находится ныне в полуразрушенном состоянии. К южной стене алтарной части храма прислонена мраморная доска с изображением князя Голицына и датами его жизни. Доска появилась сравнительно недавно благодаря усилиям местных энтузиастов-краеведов. Подлинная надгробная плита, обнаруженная в 1960-е гг., хранится в Пинежском краеведческом музее.

Собор стоит на холме, считающемся едва ли не самым высоким на берегах Пинеги. Отсюда открывается завораживающий вид на реку, которая примерно в пятнадцать километрах от монастыря, в районе села Пинеги, круто меняет русло, резко поворачивая на запад в сторону Северной Двины. Холм сложен известняками, и вокруг находится немало карстовых пещер.

Красногорский монастырь считался крупным религиозным и культурным центром Русского Севера. Он имел подворья в Холмогорах и Архангельске. Ему принадлежали обширные пахотные земли. На принадлежавших ему судах

ловили ценную рыбу, охотились на моржей и белых медведей. Монастырь стоял на красивой – «красной», очищенной от леса горе. Отсюда и происходит его название Красногорский. А когда в 1604 г. монастырь был основан, гора называлась «чёрной», поскольку её покрывали «чёрные», глухие леса.

«Большую известность монастырь приобрёл и оттого, что его часто навещал сосланный в эти края князь Василий Голицын», – читаем у М. Мильчика [6, с. 85]. Голицын, пожизненно сосланный в северный край, имел разрешение бывать в Красногорской обители, молиться, беседовать с монахами и паломниками. Василий Васильевич любил посещать Красногорский монастырь и гулять по его окрестностям. Конечно же, как верующий, к тому же знатного происхождения, он подносил монастырю дары. Помимо икон, подарил обители плащаницу, вышитую Софьей. Посещение монастыря отвлекало его от грустных мыслей, помогало забыть на время о невзгодах, придавало жизненные силы. Ведь прожил он на севере без малого 25 лет. Поэтому нет ничего удивительного в его желании быть похороненным на территории монастыря.

Со временем режим ссыльного заточения опального князя стал менее строгим. Получив разрешение, он мог на короткое время совершать поездки в Архангельск, расположенный примерно в двухстах верстах от Волока Пинежского. Но снятия опалы Василий Васильевич так и не дождался. Он умер в 1714 г., завещав быть похороненным у стен собора Красногорского монастыря, откуда ныне открывается чудесная панорама виднеющихся с юга лесов. Наверное, когда-то смотревшему в их сторону Голицыну казалось, что за ними не так уж далеко и до Москвы.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 тт. Т. 3. Курс русской истории. М.: Мысль, 1988. 414 с.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 30 тт. Тт. 13- 14. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. 728 с.
3. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 тт. Т. 2. М.: Книга, 1991. 540 с.
4. Гордон Патрик. Дневник 1690–1695. М.: Наука, 2014. 620 с.
5. Очерки истории министерства иностранных дел России: в 2 тт. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2002. 570 с.
6. Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. М.: Искусство, 1971. 160 с.
7. Голицын Н.И. Род князей Голицыных. СПб., 1892. 640 с.

Об авторе

Шевцов Никита Всеволодович – заведующий кафедрой международной журналистики Факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России, кандидат исторических наук, профессор.
E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

THE FORERUNNER OF THE GOVERNMENT REFORM OF PETER THE GREAT

N.V. Shevtsov

Moscow State Institute of international relations (MGIMO). Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

Abstract: *This article describes the life and work of the distinguished political leader of the 17th century Vasily Vasilyevich Golitsyn. He entered the history of our country as a thoughtful reformist and a brilliant diplomat. His transformations created the foundation for the future pivotal reforms by Peter the Great. Being an outstanding analyst and a strategic planner, Golitsyn won his combats not on the bloody battlefields but in the course of fights on the diplomatic arena. During the reign of Sophia, when he had received ultimately unlimited power warrant, he mainly fostered all of his efforts to the implementation of the socio-economic changes and the rise of prestige of the Russian State.*

However, as it often happens with the prominent reformists he became a victim of the in-house political tussle; he placed the wrong bet on Sophia instead of Peter the Great and his court. As a result, he was deprived from his post, lost his estates, and was sent into exile to the north of the country.

The author of this article followed the probable route of Golitsyn's exile ramblings and paid special attention to the stay of the disgraced knyaz in Pinezhskiy Volok – currently the settlement of Pinega situated approximately 200 km away from Arkhangelsk on the banks of the Pinega River. The article also offers a detailed description of the Krasnogorskiy Monastery located 15 km away from the settlement. Golitsyn used to visit this monastery regularly and in 1714 was buried there disclaimed by Peter. The tombstone from his grave was preserved and is now stored in the Museum of Regional Studies in Pinega.

Key words: Prince Vasily Golitsyn, Peter I, Princess Sophia, the foreign policy of Russia of the XVII century, Ambassadorial Prikaz, The Eternal Peace Treaty of 1686, The Crimean campaigns of 1687 and 1689, Peter's reforms, the abolition of localism.

References

1. Kljuchevskij V.O. Sochinenija: v 9 t. T. 3. Kursusskojstorii [Works in 9 volumes: Vol. 3, Course of Russian History]. Moscow, Mysl', 1988. 414 p.
2. Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen: v 30 t. Tt. 13–14 [History of Russia since ancient times: in 30 vol. Vol. 13–14.]. Moscow, Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoy literatury. 1962. 728 p.
3. Kostomarov N.I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej: v 3 t. T. 2. [Russian history in the lives of its principal figures: in 3 volumes. Volume 2]. Moscow, Kniga, 1991. 540 p.
4. Gordon P. Dnevnik 1690–1695 [Diary 1690–1695]. Moscow, Nauka, 2014. 620 p.
5. Ocherki istorii ministerstva inostrannyh del Rossii: v 2 t. T. 1 [Studies in the History of the Ministry of Foreign Affairs of Russia: in 2 vol. Vol.1]. Moscow, Olma-Press, 2002. 570 p.
6. Mil'chik M.I. Po beregam Pinegi i Mezeni [On the banks of the Pinega and Mezeni]. Moscow, Iskusstvo, 1971. 160 p.
7. Golicyn N.I. Rod knjazej Golicynyh [Generation of Prince Golitsyn]. Saint-Petersburg, 1892. 640 p.

About the author

Nikita V. Shevtsov – Professor, PhD, Chief of the Department of International Journalism Department of the School of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). E-mail: n_shevtsov@mail.ru.